

На правах рукописи

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА:
СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТВОВАНИЕ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Нижний Новгород – 2006

Работа выполнена на кафедре гуманитарных дисциплин Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор

Кожевников Вячеслав Порфирьевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Багровников Николай Андрианович,

доктор философских наук

Иваненко Сергей Игоревич,

доктор философских наук

Любимова Татьяна Борисовна

Ведущая организация – Владимирский государственный университет

Защита состоится «28» марта 2007 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.162.01 при Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65, корп. 5, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Автореферат разослан «___» __февраля__ 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат философских наук, профессор

Е. В. Федотов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. На протяжении нескольких веков страны «догоняющей» модернизации неуклонно стремятся превратиться в общество западного типа с характерными для него экономическими, идеологическими и политическими чертами. Постмодернизм провозгласил деконструкцию бытия, а вместе с ним и остатков традиционной культуры. В связи с этим возникла настоятельная потребность в экспертизе последствий такого отрицания.

В конце XX в. стали быстро развиваться процессы интеграции мировых культур. С одной стороны, происходит вымирание традиционных культур под влиянием глобализации, культурного униформизма, а с другой – наблюдается коммуникация носителей разных культур, их культурная полифония, что, наоборот, способствует принятию инокультурных ценностей. Возник, в частности, целый комплекс проблем межкультурного взаимодействия: транскультурность, культурный плюрализм, трансляция языков культур, столкновение цивилизаций. Современное мировое сообщество стремится к поликультурности, для которой необходима выработка правильного отношения к другому, что требует понимания иных культурных моделей.

Прогнозирование бытия социума становится все более затруднительным вследствие перехода от биполярной системы к системе многополярной, где определяющими факторами выступают разнообразные традиционные культуры. Традиционные общества из объекта наблюдения все чаще выдвигаются на роль парадигмальных двигателей и творцов истории, хотя различия между культурными мирами до сих пор представляются неустранимыми. Не ясно, как эти параллельные и пересекающиеся культурные миры могут сосуществовать в новом глобальном порядке. Решение этой проблемы продиктовано всеобщими изменениями в мировоззрении

человечества и невозможно без изучения традиционной культуры, выяснения ее сущности и существования, выдвижения типологии традиционных культур.

Сегодня мир колеблется между процветанием и нищетой, НТП и экологическим коллапсом, личностью и цифрой, бесконечным и частным. Налицо «усталая» генерация ироничных смыслов, самозамкнутость, нескончаемое ожидание «туристической» свободы, поиски подлинного, потерянного и сокровенного в киберпространстве. Поэтому в контрасте с процессами дегуманизации и глобализации, активно действующими в потребительском обществе, в последнее время все чаще происходят обращения к моделям архаических, традиционных культур, возврат к собственным корням. Традиционным культурам сегодня принадлежит важнейшая роль в межкультурном диалоге, ибо их сфера бытия оказывает воздействие на мировую культуру. Таким образом, изложенные обстоятельства придают особую актуальность исследованию сущности и существования традиционной культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Изучением традиционной культуры ученые занимаются на протяжении достаточно длительного периода времени, на разных уровнях, в различных аспектах. Вместе с тем этот процесс неоднороден и противоречив. В общественном сознании конкурируют две концепции традиционной культуры, традиционного общества, традиции¹ – линейная и дискретная. Линейная парадигма характеризует развитие общества как прогресс от варварства к цивилизации (Вольтер, А. Р. Тюрго, Л. Г. Морган), развивает идею исторического прогрессивизма (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс).

Дискретная парадигма рассматривает традиционные культуры как автономные, разрозненные образования. Этому направлению свойственны

преодоление оценочных и этнографических характеристик традиционной культуры (И. Гердер, К. Мангейм, Р. Арон), апология предания, пред-
рассудка (Х.-Г. Гадамер), актуализация ценностного мышления (В. Виндельбанд), метафизическая оценка традиции (Р. Генов, Т. Б. Любимова).

Дискретная и линейная парадигмы нашли свое отражение и в отечественной науке. Можно утверждать, что они до сих пор сохраняют свою конкуренцию в толковании традиционной культуры, особенно в контексте концепции модернизации общества.

По дисциплинарной степени разработанности традиционной культуры как понятия и ее отдельных аспектов лидируют социологи (М. Вебер, Дж. Мид, У. Ростоу, А. Моль, А. Тоффлер, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Л. Г. Ионин, Е. Шацкий, Э. Шилз). Традиционное общество в контексте его модернизации стало темой исследований С. А. Ляушевой, И. Н. Полонской, М. М. Федоровой, В. Г. Федотовой, В. Н. Шевелева, Ш. Эйзенштадт.

Среди культурологов изучением социально-организованных стереотипов занимались В. М. Каиров, Э. С. Маркарян, К. В. Чистов. Б. С. Ерасов ввел понятие «самобытность» для анализа традиционной культуры, признавая ее жизненным ядром традиционной культуры, динамическим принципом, соединяющим личность и народ с ценностями своей цивилизации.

В философии традиционная культура не была предметом собственного анализа. Ее проблемы затрагивались в основном косвенно: традиционная культура как предрассудки (Ф. Бэкон, О. Конт), как научная традиция (Э. Гуссерль, К. Поппер). Характеристику традиционного общества в связи с динамикой культур, развитием техногенной цивилизации дал В. С. Степин. Онтологическое понимание традиции развил В. А. Кутырев. Эпистемологические аспекты традиционной культуры затрагивали С. С. Аве-

¹ Традиция, традиционная культура и традиционное общество существуют во взаимосвязи подобно тому, как существуют во взаимосвязи электрон, электромагнит-

ринцев, В. П. Кожевников. Российский методолог М. А. Розов занимался проблемой механизма социальных эстафет.

Историки раскрыли своеобразие типов культур (А. Тойнби), значение менталитета в культуре (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Ф. Бродель, Л. Февр). В политологии «традиционная культура» не является плодотворной категорией, за исключением работ идеолога «арктического» традиционализма А. Г. Дугина. Символикой и морфологией традиции занимался М. Элиаде. Среди отечественных востоковедов следует отметить В. С. Семенцова, который рассмотрел процесс трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавад-гиты.

Представители современной этнографической школы традиционной культуры (А. С. Каргин, Н. А. Хренов, А. Н. Соловьева) осмыслили модификацию традиционной земледельческой культуры в среде культурного потребления.

Таким образом, историографический анализ традиционной культуры показывает, что она не осталась без внимания ученых, однако ее изучение значительно отстает от разработки посттрадиционной проблематики. В отечественной культурологии, этнографии традиционная культура связывалась преимущественно с народным бытом, фольклорным самовыражением. Но это слишком узкий подход. Огромный потенциал архетипической памяти традиционной культуры становится все явственнее, что наиболее очевидно и остро проявляется в цивилизационных конфликтах, усилении традиционализма в целом.

Изучены только отдельные аспекты традиционной культуры: ее наследование, модернизация, символические связи. Кроме того, традиционная культура до настоящего времени исследуется инструментально, в связи с другими проблемами, особенно с модернизацией. До сих пор не разработаны онтология, метафизика, гносеология, антропология, аксиология

ное поле и электропроводная среда.

традиционной культуры. Фактически только поставлена проблема, но не дана характеристика рациональности традиционной культуры. Такие темы, как типология традиционных культур, изоморфизм традиционных нарративов, социальная память традиционного общества, концепция повседневности традиционной культуры, еще ждут своих исследований. Таким образом, традиционная культура еще не стала предметом комплексного анализа.

Объектом диссертационного исследования является традиционная культура как специфический способ организации жизнедеятельности, основанный на наследовании коллективных смыслов, ценностей, норм.

Предмет исследования – сущностные основания традиционной культуры, ее ценностно-смысловые параметры, особенности познания в традиционной культуре, динамика ее бытия.

С целью изучения основополагающих принципов и форм бытия традиционной культуры была сформулирована следующая **гипотеза**.

Традиционная культура – это такой способ бытия общества, в котором трансляция ценностно-смысловых структур преобладает над передачей культурных технологий. Культурные смыслы – это категория цели действия, а технология – способа действия. Внешними признаками традиционной культуры являются опора на сакральные тексты и жесткая социальная стратификация. Исторически такой тип культуры соотносился с древними цивилизационными очагами, и до настоящего времени сохраняет локальное присутствие в мире. Наиболее полно признаки традиционной культуры раскрываются на примере ведийской культуры как целостного образования, сохранившего многовековую преемственность.

Отдельные элементы традиционной культуры на уровне структур мышления, уклада жизни, а также фрагментов картины мира обнаруживают сходство в разных культурных очагах. Географические и временные различия не меняют сущностных стремлений человека (быть, знать, лю-

бить). В силу единства природы человека едина и культура его потребностей. Традиционная и посттрадиционная культуры выступают правилами игры по реализации этих потребностей.

Изменение статуса традиционной культуры повлияло на ее историческую оценку. Отход от стереотипа отсталости при ее рассмотрении позволил утвердиться следующей гипотезе: традиционная и посттрадиционная культуры – это две фазы культурной динамики, которая носит волновой характер. Традиционная культура может менять свой ареал распространения, она не имеет жестких географических рамок. Везде, где наследование жизненных смыслов преобладает над технологией, существует традиционная культура. Она имеет не только свою географическую, но и ценностно-смысловую динамику. Иными словами, изменение географической среды влечет за собой изменение ареала распространения традиционной культуры, воздействует на ее ценностно-смысловые параметры. В такие периоды традиционная культура расслаивается, выделяется ее архаичное ядро, сохраняющее средства трансляции. От архаичного ядра отделяется реформаторская периферия, которая со временем трансформирует жизненные смыслы традиционной культуры и средства трансляции. Как следствие, изменение жизненных смыслов приводит к модификации социальной стратификации культуры, сакральных текстов, картины мира, носителей культуры.

Ядро традиционной культуры имеет аксиологический характер. Ценности формируют социальные установки, мотивационную сферу, отношение к миру, когнитивные эталоны, стереотипы сознания, национальный характер. Поэтому интегративная характеристика традиционной культуры может быть получена через изучение ценностно-смысловых параметров и их понимание во времени. Те культуры, которые наследуют сущностные элементы архаичного ядра, сохраняют традиционный характер. Преобла-

дание центробежных процессов в периферии означает усиление посттрадиционного вектора в развитии.

Цель исследования заключается в создании фундамента аналитической теории традиционной культуры на основе изучения ее сущностных аспектов и параметров ее существования.

Для реализации вышеупомянутой цели в исследовании ставятся следующие **задачи**:

- выявить сущностные основания традиционной культуры;
- определить траекторию аксиологической модальности традиционной культуры;
- установить роль нарративов и стратификаций в наследовании ценностно-смысловых структур;
- раскрыть специфику социальной памяти традиционной культуры;
- обозначить векторы культурной динамики традиционной культуры;
- определить формы модификации традиционной культуры;
- выявить оптимальную модель наследования традиционной культуры.

Методологическая основа исследования. Культурология является синтетической, «пограничной» наукой. В диссертации задействованы основные общенаучные методы постижения объекта: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция, аналогия, классификация. Для комплексного исследования культурологических объектов в исследовании применяются методы комплексного познания гуманитарных наук: генетический, типологический, диахронический, синхронический, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, системно-структурный, синергетический, сопоставительный, каузальный, моделирующий, история ментальностей. Из общефилософских методов предпочтение оказывается в основном диалектическому. Кроме того, для решения

поставленных задач автор обращается к частнонаучным методам: филологическому, географическому, этнографическому, социологическому.

Диссертант использует также частнофилософские методы: герменевтический, феноменологический. Герменевтический анализ основан на выделении Ф. Шлейермахером в тексте предметно-содержательного и индивидуально-личностного аспектов и их системной связи (герменевтический круг). Человек через призму этого метода берется в пространстве культуры, его личных ценностях и индивидуальных смыслах. Особенно продуктивным герменевтический метод стал при изучении сакральных нарративов, являющихся основой традиционной культуры.

С помощью феноменологического метода Э. Гуссерля автор смог последовательно «очищать» предмет как от установок обыденного сознания, так и от общепринятых догм. При анализе традиционной культуры этот «постигающий» метод позволил раскрыть внутренние смыслы того или иного элемента традиционной культуры.

В методологическом плане благодаря культурно-герменевтическому подходу автор получил возможность опираться на самопознание традиционной культуры без навязывания собственной оценочной шкалы, исходить из презумпции ее «разумности», отойти от устоявшейся дихотомии «религиозное – мирское». Традиционная культура в диссертации анализируется с нескольких позиций: 1) сущностной (атрибуты и модусы традиционной культуры, ее природа); 2) функциональной (что она дает для общества); 3) генетической (динамика и статика).

Теоретический слой оснований диссертации базируется на принципах историзма, конкретности, объективности, последовательности, системности, рациональности.

Теоретическую основу исследования составляют труды, посвященные изучению архитектоники традиционной культуры, Б. С. Ерасова, В. М. Каирова, Э. С. Маркарян, М. А. Розова, В. Г. Федотовой, К. В. Чис-

това, Е. Шацкого, Э. Шилз, Ш. Эйзенштадт. В типологии рефлексивности традиционных культур автору помогли исследования С. С. Аверинцева, И. Е. Козновой.

Продуктивными для исследования стали разработки Р. Генона, Т. Б. Любимовой: выделение эзотерического ядра духовной традиции, определение ниспадающего типа развития традиционной культуры и метафизических архетипов традиционной культуры. Автор вслед за В. А. Кутыревым обратил внимание на онтологические аспекты традиционной культуры. Темпоральные аспекты традиционной культуры разработаны с опорой на идеи М. Элиаде. Установить динамику аксиологической модальности традиционной культуры автору позволили теоретические положения доклада Равиндра Сварупы Д., сделанного им на Первом Международном конгрессе «Наука и религия» (Бомбей, 1989).

Идея нарратива философии постмодерна (Р. Барт, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, Ж.-Ф. Лиотар и др.) помогла диссертанту рассмотреть сакральный текст как процесс. Центрирующее значение эстетического отношения к бытию (бхакти) в эволюции ведийских нарративов было заимствовано у А. Ч. Бхактиведанта Свами. Феноменологическая концепция онтопозиса А.-Т. Тименецки и Г. Бэкхауса способствовала анализу эстетических средств самоконституирования традиционной культуры. Среди отечественных востоковедов следует отметить В. С. Семенцова, чьи работы помогли рассматривать процесс трансляции традиционной культуры как длительную ассимиляцию, духовный мимесис, осуществляемый в ученичестве на основе сакральных текстов.

Опыт описания локальности А. А. Сыродеевой послужил эвристическим ядром анализа потоков социальной памяти традиционного общества. Концепция индолога М. Витцел мифологии Лавразии и мифологии Гондваны позволила провести структурное сравнение традиционных культур на предмет их единства. Существенным вкладом в диссертационное исследование

дование стали концептуальные предложения А. В. Дахина, Л. А. Зеленова, В. П. Кожевникова, В. П. Петрова.

Эмпирическую основу исследования традиционной культуры составляют культурологические факты-события, факты-знания и факты-источники¹. К фактам-событиям можно отнести результаты включенного наблюдения, проведенного автором во время поездок в Западную Бенгалию и Ориссу в 2003, 2004 гг. Фактами-знаниями стали новости российских и зарубежных СМИ, позволяющие отслеживать динамику традиционных культур. Кроме того, эмпирической базой исследования послужили древние тексты: Авеста, Веды, Коран, Тора. Эти источники документируют модальность менталитета традиционной культуры, ее смысловую архитектуру. Ведийские нарративы отражают наиболее архаичный пласт мышления рефлексивной традиционной культуры. Они имеют ярко выраженную утилитарную, теоретическую и эстетическую модальность, что позволяет анализировать вертикальные и горизонтальные структуры общественного сознания в традиционной культуре.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- в диссертации обобщена эссенциалистская парадигма изучения традиционной культуры через призму социально-экономических, эпистемологических, аксиологических параметров, сделан частотный срез определений традиционной культуры;
- выявлен недостаток отсутствия типологии традиционных культур и предложена типология традиционных культур по признакам рефлексивности, многополярности;
- разработаны сущностные основания традиционной культуры, в частности, выяснено, что традиционная культура детерминирована иерархиче-

¹ См.: Кожевников В.П. Методологические основы культурологии. М., 1999. С. 27–28.

ским, эталонным, циклическим, эмоциональным, смысловым, многополярным мышлением;

– дана трактовка пространства и времени традиционной культуры, осмыслена ее метафизическая специфика, предложено решение антиномии права и закона на материале традиционной культуры;

– проанализирована аксиологическая модальность традиционной культуры, сделан прогноз ее ценностно-смысловой динамики, разработана роль эстетического отношения к бытию в ценностно-смысловой модальности традиционной культуры, дано толкование идеи трансценденции как ценностно-смыслового полюса в рефлексивной многополярной традиционной культуре;

– эпистемологическая эволюция сакральных нарративов объяснена фактом рутинизации первичных откровений и эволюцией онтопоэзиса традиционной культуры;

– определена специфика социальной памяти традиционной культуры, выявлена роль нарративов-преданий и стратификаций традиционного общества в трансмиссии социальной памяти традиционной культуры;

– критически осмыслена роль культурных архетипов в функционировании традиционной культуры, указаны недостатки посттрадиционной инсталляции архетипов традиционной культуры;

– рассмотрены антиномии реформы и модернизации традиционной культуры, охарактеризованы процессы аккультурации в реформаторском традиционализме, предложена оптимальная модель наследования традиционной культуры.

Характер и степень научной новизны проведенного исследования отражают основные **положения, выносимые на защиту**:

1. Существенным критерием типологии традиционных культур является их деление по признаку рефлексивности и многополярности.

2. Мышление есть главная детерминанта традиционной культуры. Ра-

циональность традиционной культуры складывается из иерархического, эталонного, циклического, эмоционального и смыслового мышления.

3. В рефлексивной многополярной традиционной культуре не только интеллектуальные, но и физические и эмоциональные потребности индивида получают метафизическое укоренение. В традиционной культуре не столько имя является движущим фактором онтопоэзиса, сколько невербальные эмоционально-эстетические средства.

4. В ценностно-смысловом многообразии рефлексивной многополярной традиционной культуры определяющим является эстетический модус.

5. Сакральные нарративы выступают опорными точками духовно-символического пространства традиционной культуры. Различия между откровениями и преданиями связаны с аксиологической динамикой традиционной культуры, зазором между идеалом и практикой.

6. Социальное памятование в традиционной культуре носит корпоративно- иерархический, ассоциативно-кластерный, мембранный характер. Этническая память в многополярной традиционной культуре выражена слабо.

7. Многополярная традиционная культура подразумевает полифонию и диалог смыслов. Однако центром ее аксиологии, ее сущностью выступает идея трансценденции, выхода на эстетические (духовные) потребности человека. Она находит свое отражение в нарративах и социальных отношениях.

8. Бытие традиционной культуры диалектично, динамично и полиморфно. Существование Единой Традиции возможно в универсально-понятийном виде, а не конкретно-индивидуальном.

9. Традирование без реформы, посттрадирование без реформы, контртрадирование без реформы, реформированное традирование – все это разные варианты соотношения традиции и новации. Реформированное традирование является наиболее аутентичным направлением по сохранению

традиционной культуры.

Теоретическое и практическое значение работы. В теоретическом плане диссертация имеет значимость для развития новых аналитических стратегий осмысления традиционной культуры. Если в классическом подходе личность с ее жизненными смыслами жестко зависела от объективной надындивидуальной реальности, то в неклассическом подходе значимым признается «человеческая» повседневность с ее затаенностью внутренних интенций индивида, которые в конечном счете и делают глобальную историю. Это новое синергетическое видение, согласно которому поведение системы зависит от незначительных изменений входящих в нее элементов.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов по философии, культурологии, истории, социологии. Государственные эксперты в области общественных организаций могут опираться на характеристики традиционных групп, посттрадиционных течений.

Для социальной политики государства актуален вывод о том, что традиционная культура в большей степени удовлетворяет потребность человека в общении, досуге, так как человек здесь рассматривается целостно как тело–разум–душа, в то время как в посттрадиционной культуре он парциализируется до сферы соматической, интеллектуальной, что способствует деперсонализации и отчуждению индивида. Геополитика может прогнозировать поведение бинарных культурных систем, оценивать последствия культур-рейдерства. В диссертации даются рекомендации по сохранению ценностно-смыслового многообразия в стране, что может способствовать устойчивости социальных институтов.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и рекомендации диссертационного исследования обсуждались на кафедре гуманитарных дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. Положения, выносимые на

защиту, развивались в курсах философии, культурологии, которые автор читал во Владимирском юридическом институте, докладывались на российских и международных научных семинарах и конференциях:

- межвузовской конференции «Россия, Восток и Запад: традиции, взаимодействие, новации» (Владимир, 1997 г.);
- XIV International Congress of Aesthetics (Любляна, 1998 г.);
- конференции лаборатории виртуалистики «Виртуальные реальности» (Москва, 1998 г.);
- Международной конференции «Между физикой и философией: наука и философия» (Санкт-Петербург, 1998 г.);
- Международной конференции «Проблема человека» (Москва, 1998 г.);
- межвузовской межрегиональной конференции «Русская мысль в поисках истории» (Ковров, 1998 г.);
- учебно-методических сборах профессорско-преподавательского состава Владимирского юридического института (Владимир, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 гг.);
- Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: проблемы функционирования и развития культуры» (Новгород, 2000 г.);
- Международной конференции «Человек – Культура – Общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований» (Москва, 2002 г.);
- III-й региональной конференции «Россия и проблемы глобализации» (Нижний Новгород, 2002 г.);
- ICANAS-37 Orientalist Congress (Москва, 2004 г.);
- Международной научно-теоретической конференции «Наука, религия, текст: «Махабхарата» и «Бхагавад-гита», традиция и интерпретация» (Владимир, 2006 г.).

Целям апробации послужило размещение монографии, содержащей основные положения диссертации, на сайте

<http://philosophy.ru/tim/traditio.html> для ознакомления широкой научной общественности с результатами исследования и осуществления обратной связи.

Кроме того, содержание диссертации нашло отражение в опубликованных, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня ВАК, работах автора. Всего по теме диссертации опубликовано 44 работы общим объемом 33 п.л.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, 6 глав, заключения, библиографического списка из 380 наименований, в том числе 38 на иностранном языке, и приложений. Общий объем диссертации составляет 400 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования в теоретическом, практическом и цивилизационном аспектах, определяются степень научной разработанности проблемы, объект и предмет, цель и задачи исследования, методологическая, теоретическая и эмпирическая основы работы, научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

В **первой главе «Сущностные основания традиционной культуры»** автором проводится поиск известных и неизвестных оснований традиционной культуры, ее сущностных параметров.

С этой целью анализируется эссенциалистская парадигма исследования традиционной культуры, обобщаются известные социально-экономические параметры традиционной культуры, ее эпистемологические, аксиологические антропологические, правовые и политические дефиниции. Дано определение традиционной культуре как специфического

способа организации жизнедеятельности общества, основанного на онтологизации культурных практик, сакрализации их рекуррентности.

Отмечено, что при рассмотрении традиционной культуры не принимается во внимание ее типология, что снижает познавательную ценность эссенциалистских определений. Предложена типология традиционных культур по признакам рефлексивности и многополярности. Любая культура есть ответ на потребность самосохранения, целостности, определенности бытия человека. Эталонность мышления свойственна любым традиционным культурам, однако в одних культурах сохранение обычаев происходит иррационально, или на основе здравого смысла: иди там, где уже прошли многие, – другие же передают не только сам конвейер наследования, но и объяснение его отправной точки и пути следования, цели и механизма передачи.

Традиционное общество со слабой рефлексивностью самосохраняется путем табуирования иных веток развития и неосознанной трансляцией культурных норм. Традиция здесь выступает как автоматизм наследования. Такие традиционные культуры могут инкорпорироваться в традиционные культуры высокой рефлексивности, когда они достигают лимита устойчивости, так как они нуждаются в рефлексивном обосновании устойчивости прошлого автоматизма. Рефлексивное традиционное общество самосохраняется через консолидацию вокруг магистрального смысла, подчиняя ему все сферы культуры. Рефлексивное инновационное общество самосохраняется через ультрарационализацию всех сфер жизнедеятельности.

По результатам типологизации традиционных культур автором был сделан акцент на исследовании сущности и существования рефлексивной многополярной традиционной культуры как наиболее конкурентоспособной в современных условиях глобализации. Анализ рациональности традиционной культуры на основе сравнения средневековой культуры Европы,

древнего китайского общества, индоевропейских традиционных культур позволил выделить следующие характеристики ее мышления:

- иерархическое (вертикальное) мышление – признание порядка более высокого уровня и готовность действовать сообразно его воле;
- эталонное (каноническое, императивное) мышление – конкретизация человеческой индивидуальности осуществляется через призму наследуемых смыслов, ценностей;
- циклическое мышление – это темпоральная характеристика мышления, особое восприятие времени как замкнутой континуальности или спирали;
- эмоциональное мышление – особый тип рациональности, опосредованный чувствами, настроениями, вкусами;
- ценностно-смысловое мышление – акцентуация значимости, заданность целеполаганием в мышлении;
- многополярное мышление – признание одновременного единства и плюралистичности в теоретических моделях, социальной реальности, религиозных практиках, управлении.

Далее автором анализируется специфика пространства и времени традиционной культуры. Традиционная культура рефлектирует абсолютный и относительный хронотопы, но связывает свое исходное существование с абсолютным хронотопом, который проецирует традиционную культуру в относительный хронотоп для эволюции индивидуальности. Вершина эволюции по ячейкам хронотопа – выход на личностные, ценностные ярусы бытия. Время и пространство традиционной культуры раскрываются как способ жизни в священном и уход от имманентного времени и пространства.

Особое отношение к феномену времени в традиционной культуре позволило автору рассматривать его как активное преобразующее начало, как силу изменения, явленную в актах сознания. Сущность времени в та-

ком понимании раскрывается не в длительности, а в разотождествлении и модификации. Само время в этом случае производит селекцию наиболее живых и сильных ростков традиционной культуры. Оно вызывает волновые изменения в смысловом и ценностном поле традиционной культуры, переход от утилитарно-теоретического отношения к эстетическому и обратно. На новом витке к эстетическому идеалу происходит конвергенция жизненных сил социума, сосредоточение на генеральном смысле, а на «ниспадающей» волне – дивергенция и диверсификация культурных смыслов. Подобный «волевой» образ времени являет его как инструмент метафизического настроя и самоорганизации культуры. Это время-субстанция, «осевое» время (К. Ясперс), рождающее напряжение между мирскими и трансцендентными порядками и приводящее к кардинальной перестройке общества.

Для достижения целей исследования автору представляется целесообразным проанализировать всеобщие основания традиционной культуры через сличение области метафизики традиции и посттрадиции. Метафизика – это сфера поисков изначального смысла, ни к чему не сводимого и ничем не обусловленного. Метафизический образ традиции проступает сквозь особенности стиля и категорий философского дискурса, статуса субъекта, свободы, знака. В традиционной культуре нет разрыва между метафизической теорией и метафизической практикой: Бог познается там прямо и косвенно, интегрально. С. Радхакришнан отмечает, что «в Индии была решена трудная задача – вызвать у народа интерес к метафизике»¹. Такая связь с метафизикой не является обязательно религиозной. Разделение сознания на религиозное и нерелигиозное есть результат оторванности от корней метафизики. В традиционной культуре метафизическое условие индивидуальной свободы – это тотальность бытия.

Результатом метафизического изыскания стало открытие того, что в

развитой традиционной культуре не только интеллектуальные, но и физические и эмоциональные потребности индивида имеют метафизическое укоренение. В европейской философии редукция метафизического к трансцендентальной апперцепции приводит к насилию над полнотой бытия. Если потребности быть и испытывать счастье не эксплицируются в качестве метафизических, это означает, что в пренебрежении остаются 2/3 реальности. Особенность традиционной культуры Индии заключается в том, что не только потребность «знать», но и потребность «быть» и «чувствовать» получают метафизическую опору.

На примере традиционных культур Древнего Китая, Индии, средневековой Европы диссертант обосновывает, что в традиционной культуре не столько имя опосредует связь между веществом и сознанием, сколько невербально-эстетические средства. Внелингвистические средства контекстуализируют коммуникацию, вносят элемент коррективности культурного взаимодействия.

Итоги анализа сущностных оснований традиционной культуры позволили отойти от исследования традиционной культуры «вообще» и сосредоточиться на изучении характеристик самой, по мнению автора, перспективной формы традиционной культуры – многополярной и рефлексивной. Принято решение в качестве наиболее репрезентативного примера многополярной рефлексивной традиционной культуры в диссертации рассматривать ведийскую культуру и ее индоевропейские полиморфы.

Вторая глава «Ценностная характеристика традиционной культуры» развивает понимание ценностно-смыслового параметра как определяющей характеристики традиционной культуры.

По мнению диссертанта, этические ценности в традиционной культуре носят императивный, безусловный характер. Ценностные ожидания в традиционной культуре строятся вокруг качественной определенности,

¹ Радхакришнан С. Индийская философия: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 15.

предсказуемых сословных ожиданий.

В работе выявлены функции ценностно-смыслового ядра традиционной культуры, которые заключаются в поддержании определенности в особом круге жизненных проблем, касающихся жизни, смерти, веры, заработка, выражения эмоций и т. д.

С целью анализа ценностно-смыслового содержания традиционной культуры автором используется модель многослойности, которая применяется, главным образом, к индоевропейским традиционным культурам. Аналогично тому, как человек представляет единство «этажей» сознания, традиционная культура есть ансамбль ценностно-смысловых ярусов, являющихся одновременно и модусами, отношениями к бытию. Три модуса кодификации и восприятия опыта: эстетический, утилитарный и теоретический – обеспечивают коммуникацию между различными уровнями сознания. В актах коммуникации происходит запрос-эвалюация интенций индивида на содержание той или иной модальности.

Утилитарное отношение к бытию характеризуется стремлением получить пользу, и его разделяют большинство участников культурной коммуникации. Утилитарный код мироотношения оформлен в традиционной культуре в систему ритуалов. Так, например, в ведийской культуре 90 % огромного корпуса священных текстов посвящено регламентации «карма-канды», т.е. полезной деятельности человека. В Ведах разработана подробная классификация результатов деятельности в рамках утилитарного модуса¹. Ведийские тексты содержат также красочную рекламу райских удовольствий для тех, кто следует путем благочестивой кармы: небесные девы, изысканный напиток сома-раса, вечная молодость, бесконечный праздник².

Теоретическое отношение, которое заключается в познании объек-

¹ См.: Законы Ману. 2.1-249.

² Ригведа 9.78-114

тивных свойств вещи, в традиционной культуре не выделяется в автономный модус организации жизни. Для того, чтобы теория действительно позволила достигать результатов, она должна быть как можно более общей, абстрагированной от конкретных событий и работающей с математической природой вещей. Однако такая установка на теоретическую кодификацию информации делает взаимодействие с реальностью неценностным и обезличенным, что конфликтует с такими детерминантами традиционной культуры, как эмоциональное, смысловое, эталонное, иерархическое мышление. Теория в современном понимании – это форма, лишенная отношений, десубъективированное «оно». Подобная гиперрационализация далека от традиционной культуры, но выступает объединяющей силой глобальной посттрадиционной культуры.

Теоретический модус имеет прикладное значение в традиционной культуре, и лишь в Древней Греции он получает автономный статус. В отдельных традиционных культурах теоретический код развивается в особый способ созерцательной практики (гьяна в Индии, дзен в Китае). Последователи этой практики создают свои тексты, разоблачающие психологию утилитарного модуса к миру и призывают к недифференцированному, бесстрастному созерцанию.

Эстетическая модальность – это особый код накопления и получения информации. Она есть снятая форма утилитарного и теоретического. Эстетическое отношение – это форма непрагматического взаимодействия с реальностью на основе чувства любования, гармонии. Эстетическая кодификация информации означает преобладание личного отношения и вкуса. Объективно эстетическое выражение и восприятие основаны на самодовлеющей ценности вещи. Субъективно эстетическое взаимодействие связано с чувством глубокого эмоционального удовлетворения. Удовлетворение от утилитарного и теоретического взаимодействия поверхностно и кратковременно, так как оно основано на контроле. Через утилитарное взаимо-

действие субъект стремится контролировать мир вещей, а через теоретическое взаимодействие – мир идеализированных конструкций. Попытка контроля и в том и в другом случае ограничена временем, пространством, а также наличием иных субъектов. Поэтому утилитарное и теоретическое взаимодействие часто приводит к разочарованию. Эстетическое взаимодействие имеет принципиально иной источник удовлетворения, оно основано на созерцании и ценностном служении и поэтому носит целостный характер.

Традиционная культура означает доминанту эстетического отношения и кодификации. Именно так следует рассматривать мифы традиционной культуры. Если попытаться приблизиться к мифу с точки зрения теоретического модуса, то там можно найти лишь опровержение всем формальным законам логики. Утилитарный код также не позволяет взаимодействовать с телом мифа, и вместе с тем известно, что миф играл роль, сравнимую с ролью науки в жизни человека, даже гораздо большую, так как наука не может быть настолько глубоко личностной, как миф. Плодотворный анализ мифа можно провести, лишь учитывая его эстетическую кодификацию. Миф предполагал соответственно и эстетическую декодировку. Поэтому сейчас, при обращении к мифу с теоретическим кодом приходится характеризовать его как нечто примитивное (а с точки зрения практического действия миф вообще лишен здравого смысла). Все эти положения позволяют по-иному взглянуть на репрезентативность и истинность произведений с доминирующей эстетической кодификацией. Автор приходит к выводу, что эстетическое отношение к бытию детерминирует ценностно-смысловую модальность традиционной культуры.

Далее в работе анализируются особенности динамики аксиологической модальности традиционной культуры (утилитарное – теоретическое – эстетическое отношение к бытию). Установлено, что она носит волнообразный, колебательный характер, что отражается на проблеме ее иденти-

фикации. Существует и структурный уровень ее изменений, когда ценностно-смысловое ядро наследуется, а периферия – форматируется. На примере ведийской культуры диссертант выделяет ценностно-смысловое ядро и рассматривает факторы энтропии аксиологической модальности традиционной культуры: увеличение зазора между традицией и «утопией», цефализация субъекта культуры, повышение социальной мобильности, профессионализма; космополитизм, наличие внешней угрозы. Автор сравнивает два сценария аксиологической модальности и выясняет, что изоморфизм аксиологической модальности традиционной культуры в разных индоевропейских культурах заключается в противостоянии утилитарного и теоретического модусов. Предлагается решение снятия конфликта утилитарного и теоретического модуса через акцентуацию эстетической модальности.

Адекватным средством дескрипции ценностно-смыслового самоконституирования ведийской традиционной культуры диссертант считает феноменологическое понятие «онтопозис». В нем смыкаются природность традиционной культуры и ее эстетическая актуализация. Динамика онтопозиса обслуживает потребность в индивидуации субъектов культуры. Это осуществляется путем умножения, пролиферации смыслов и особенно быстро происходит сейчас, когда бытие традиционных культур протекает в мировом контексте. Онтичность традиционной культуры поддерживается запросами самоидентичности субъектов культуры, их самоотнесением с первичной территорией смыслов.

Существенным, по мнению диссертанта, является рассмотрение специфики права в традиционной культуре, так как право – это экстракт всей этической общественной ценности. На основе сравнения иудейского, индусского, мусульманского права сущность последнего в традиционном обществе определяется как устойчивость символической детерминации, а главным символическим детерминантом права выступают сакральные тек-

сты как высказывания деонтической модальности. Делается вывод, что традиционное общество в юридических вопросах опирается на принцип множества уровней сознания. Эти уровни могут быть объединены в базисные страты, каждая из которых наделяется собственным статусом, обязанностями и ответственностью. Поэтому правовая система в традиционном обществе индивидуализирована и соразмерна уровню сознания человека: чем больше ответственности может нести человек, тем большими правами он обладает. Индивидуализация права порождает внешнее неравенство, но формирует устойчивое общественное сознание через концентрацию индивидуального сознания в своей локальности.

Таким образом, в главе была определена ценностно-смысловая организация многополярной рефлексивной традиционной культуры. Любая культура обеспечивает коммуникативное поле для обмена смыслами, ценностями, знаниями, технологиями на основе утилитарного, теоретического и эстетического модуса. Усиление той или иной аксиологической модальности приводит к разному культурному результату. Рефлексивную многополярную традиционную культуру отличает особое бережное отношение к трансляции неутилитарных смыслов.

В третьей главе «Эпистемология традиционной культуры» рассматривается специфика сверхчувственного познания традиционной культуры, которое осуществляется через аудирование сакральных нарративов, передатчиков ценностно-смыслового ядра традиционной культуры.

На примере диалектики взаимодействия мифологического и научного типов познания в традиционной культуре автор демонстрирует, как иерархическая устремленность традиционной культуры делает ненужным горизонтальную разработку эмпирических пластов информации. Традиционная культура прошлого – это продукт общества добровольного информационного самоограничения. В нем не происходит умножения идеальных миров, а информационная оболочка отвечает требованиям интерпретаци-

онной адаптации к разнообразному бытию. Античная Греция выделилась тем, что там появилась установка на теоретическое отношение к действительности, которое исторически оформилось в Европе как определенный когнитивный тип культуры. Именно в античной Элладе утвердилась установка на знание как на определяющий принцип, позволяющий решить его глубинные проблемы. Достижения теоретического и технического мышления Древней Греции стали особенно плодотворны на почве европейской письменной культуры, которая сменяет аудирование традиционных нарративов.

Посттрадиционная культура, однако, не способна удовлетворить потребность человека в абсолютных мифах, она предлагает вереницу кочующих относительных мифов (Властелин колец, Гарри Поттер, Шрэк, Ночной дозор и т.п.). Несмотря на то, что относительные мифы основаны на традиционных архетипах (судьба, добро, зло), они слабо концептуализированы, не имеют такого долгого фонового существования в культуре и в силу этого их эффект блокбастера непродолжителен. Традиционная культура отличается от посттрадиционной доступом к абсолютной мифологии. Отмечаются характерные черты смыслового расслоения мифологии традиционных культур: они втягиваются в новый посттрадиционный контекст, ангажирующий абсолютные мифологии как коммерческий продукт; традициогенные участки локализуются, пытаются породить адекватных харизматиков для посттрадиционной адаптации своей экзистенции.

Диссертант раскрывает значение нарративов в сверхчувственном познании в традиционной культуре. Сакральные тексты выступают смыслоорганизующим началом в традиционной культуре, они несут генеральный смысл, объединяющий вокруг себя все частные смыслы. Традиционная культура – это тип организации жизнедеятельности, основанный на сакральной символической системе. Нарратив в традиционной культуре – это главный концентратор символических комплексов, задающих смысло-

вые коды культуре. Из повествований соткана смысловая ткань традиционной культуры. Авеста, Библия, Кодзики и Нихонги, Коран, Пополь-Вух, Тора, Трипитаки служат опорными точками духовно-символического пространства традиционной культуры. Сакральные тексты представляют собой замкнутую семиосферу со множеством неосязаемых, сверхчувственных объектов, способных влиять на повседневность человека. Реальность объектов сакральных текстов проверяется не эмпирически, а через погружение в смысловое и ценностное поле культуры.

На примере ведийских нарративов было установлено, что сакральные тексты разделяются по типу кодификации уровней смыслов: одни транслируют утилитарные смыслы, другие – познавательные, третьи сообщают эстетические смыслы. Нарративы-откровения (Веды-самхиты) служили жертвенными формулами соединения обыденного мира и сакрального мира, поэтому мантры и формы их использования тщательно передавались без изменений. Автор развивает идею В. С. Семенцова: истолкование ведийского корпуса литературы тесно связано с функциональными особенностями произведений. В диссертации выражена онтопоэтическая специфика древних ведийских нарративов, они охарактеризованы как многослойное произведение, сочетающее и мифопоэтику, и эстетику природы, и технологически-экономическую часть культуры. Отмечено значение музыкальной памяти в трансляции смыслов (Самаведа).

Диссертант приходит к выводу, что причина утери значения ритуальных нарративов заключается в следующем: смыслы текста постепенно рутинизировались, «затирались» и нарративы теряли значение как носители утилитарных смыслов. Изучение сакральных текстов в контексте традиционной культуры позволило установить их неоднозначность и многослойность. Сакральный текст – это Закон, но периодически происходящее в теле культуры «брожение» приводит к реформации текста, дополняющего и восполняющего данный Закон.

В работе обосновывается положение о том, что при падении активности утилитарных смыслов, в качестве смыслообразующего начала выступают философские нарративы (упанишады), источники теоретических смыслов. Магистральные теоретические смыслы философских нарративов концентрируются вокруг темы бытия и небытия, единого и множественного, субстанции и категорий, иерархии уровней сознания. Связующим звеном познавательной модальности упанишад является идея трансцендирования как выхода за рамки наличных смыслов и реализации потенциальных смыслов. Далее раскрывается, что философские тексты имеют свой предел – священную пустоту, для преодоления которой требуется обращение к эстетической модальности.

При всем пафосе обращения к человеку с призывом отказа от желаний, последние вместе с эмоциями остаются мощным источником жизненных сил человека. Чувственность человека в полной мере охватывается и направляется нарративами-преданиями, которые несут эстетические смыслы. Эпические повествования (пураны, Махабхарата, Рамаяна) выводят индивида на высший уровень трансценденции – эстетический, лишенный прагматизма и поиска знания. На этом уровне в личности человека раскрываются его потенциальные смыслы, и он утверждает себя в конкретности и целостности своего индивидуального бытия.

Онтопозис традиционной культуры своеобразно отразился в традиционных нарративах разной модальности. Стержнем в трансляции ценностно-ориентированных участков традиционной культуры является идея трансценденции, стремление к метафизической опоре, однако пространственно-временные средства трансцендирования различаются. Действие – знание – вкус – такова триадическая система средств преодоления телесно-психического «я». Каждое из средств может включать все другие, речь идет о доминанте. Вкус – наиболее сильная мотивация трансценденции, ибо это категория эстетическая. Но истинная красота, величие вкуса не мо-

гут проявиться без этической основы. Ведийские наставления в дхарме (ненасилие, нестяжательство, непрелюбодеяние, чистота тела и души) суть не просто какие-то банальные нравственные наставления, трюизмы – это некие концепты оптимального мироустройства, со-бытия с космосом, упорядочивания и гармонизации жизни. Как в философии санкхья идет последовательная манифестация одного элемента из другого, начиная с эфира, так и в ведийских текстах последовательно проявляются некие концепты, от самого элементарного – к самому прикровенному, начиная с этических установок и заканчивая изложением уровня высшего просветления и эстетической трансценденции.

Обычно трансценденция в культуре осуществляется через самоутверждение в первой оппозиции: Бог – дьявол, дух – материя, свет – тьма, уран – хтонос, добро – зло, рита (ав. aṣ~a) – друкх (ав. druḥ). Особенность трансценденции в ведийской культуре заключается в снятии этой дуальности, причем достигается оно не путем десубъективации, а через принятие качеств совершенного объекта. Трансценденция – это не абстрактная идея. Она обусловлена природой непреодолимого вкуса к совершенному и прекрасному. Через эстетическое взаимодействие с прекрасным человек самоактуализируется как индивидуальное прекрасное.

В главе подчеркивается неоднозначность сверхчувственного познания через сакральные тексты, предлагается способ разрешения смысловых конфликтов. Антиномичность нарративов заключается в том, что они воздействуют на культуру и сами подвергаются влиянию с ее стороны, ибо культура, в свою очередь, не может не транслировать свой опыт через интерпретацию текстов.

Таким образом, в расшифровке традиционной культуры следует применять эстетический код, а не теоретический или утилитарный. Традиционные тексты – это, главным образом, эстетические способы получения

смысла, а традиционная культура – это знаковая система, организованная по принципу доминанты эстетического кода.

В четвертой главе «Социальная память традиционной культуры» разрабатывается мнемотехника хранения, воспроизведения ценностей, смыслов, норм в традиционном обществе.

На примере древних культур Хараппы и Мохенджо-Даро автор стремится разрешить проблему значения этносоциальной памяти в сохранении идентичности традиционной культуры. По его мнению, в бинарных традиционных культурах идентичность социальной группы связывается с относительными десигнатами, например, этносом. Многополярные традиционные культуры связывают идентичность с ценностными и смысловыми десигнатами, которые формируются сакральными нарративами.

Далее автор раскрывает значение стратификации общества в функционировании потоков социальной памяти на примере древнеиндийского общества. В традиционном обществе последняя реализуется через локальность. Касты, страты представляют собой малые социальные скрепы, осуществляющие традирование микропотоков социальной памяти. Наследование ценностно-смысловых стратегий поведения в традиционном обществе происходит в малых группах. Традиционная культура сохраняется через актуализацию малого. Опыт исследования традиционной культуры учит, что устойчивая интеграция возможна не через принудительную массмедийную унификацию, а через свободную ценностно-смысловую фрагментарность социума. Социальные ячейки обладают способностью самоконституирования социальной памяти.

Историческая роль традиционного общества – в раскрытии особого типа коллективистской индивидуальности. Традиционная культура образуется в обществе высокой плотности отношений, где не остается пространства для автономного существования. Если посттрадиционная культура подходит к раскрытию свободы индивидуальности через обновление

смыслов, ситуативную аксиологию, то свобода и индивидуальность в традиционной культуре воплощается через призму наследуемых смыслов, ценностей. Известно, что ценностно-смысловые корреляты индоарийского социума концентрировались вокруг должного действия (дхарма), накопления (артха), потребления (кама) и спасения (мокша). Многозадачность социальных целей объясняется онтологией природных качеств субъекта. Автор отдельно рассматривает важнейшие смыслообразующие элементы социальной памяти: смысловое мышление женщин, отношение к родителям, категория дара, социальная определенность традиционного общества.

Особое внимание в диссертации уделяется функционированию социальной памяти в структуре традиционной повседневности, которая раскрывается на основе дихотомии сакральное–профанное. Сакральные смыслы – это область глубинных, экзистенциальных состояний сознания. Она объединяет всех ищущих высокие витальные ценности и смыслы. Трансляция сакральных смыслов образуется на границе эстетического и теоретического кодов. Сакральному и высоким смыслам противостоят профанные смыслы как область конвенциональных, устойчивых, общих значений.

Автор выявляет особенность социальной памяти в традиционной повседневности, которая заключается во вплетении «малых праздников» в обыденность. Традиционная культура постоянно испытывает трансформацию повседневности, ее перетекание в складки иного времени и пространства за счет передатчиков сакрального смысла. Время и бытие традиционной культуры сохраняют свой сакральный статус даже в повседневности.

В диссертации традиционный социум признается не закрытым, а обществом-мембраной, где энергия, информация и социальная память фильтруются через эстетический ярус памяти. Иными словами, традиционному социуму присуще добровольное информационное самоограничение, где мембранный потенциал выступает мощной формой запасаения энергии в системе. Вместе с тем для поддержания устойчивости в тради-

ционном обществе осуществляется колоссальный обмен энергией и информацией по иерархическим структурам.

Первоначальная структура традиционного социума представляет собой уникальную в истории систему социального развития, основанную на диалектическом тождестве и различии жизненных смыслов. Со временем социальный организм традиционного общества претерпевает мутации, в результате которых предписанные роли начинают доминировать над приобретенными. Вместо кластерной, ассоциативной социальной памяти доминирует структурная память. Структурная память – это «память» физических объектов, которые жестко «помнят» свои свойства. Для функционирования традиционного общества необходима гибкая, кластерная, ассоциативная социальная память.

В пятой главе «Диалектика единства и многообразия традиционных культур» внимание автора сосредоточено на амбивалентности традиционного культурогенеза.

По мнению диссертанта, есть такие символично-мифологические предпосылки, которые позволяют обнаружить универсальную статику традиционной культуры. Автор сравнивает символично-мифологические архетипы древних греков, египтян, касситов, кельтов, индусов, иранцев, миттанейцев, римлян, славян, хеттов, шумерцев и приходит к выводу о том, что традиционные общества в древности имели единую протокультуру, существовавшую в виде ценностно-смыслового ядра, архетипов. Вместе с тем каждой традиционной культуре присущ свой конкретный облик, неповторимая специфика.

Динамика традиционного общества подчиняется физическим законам энтропии, что является сходным моментом всех традиционных культур. Со временем жизненные смыслы социума подвергаются дивергенции, принимают утилитарный характер. Сакральные символы традиционной культуры профанируются. Общество становится неустойчивым, нечетким,

«озабоченным собой» (Фуко). Диссертант не ограничивается констатацией универсалий развития, но и показывает специфику, индивидуальность развития традиционных культур. На примерах развития ряда локальных традиционных культур (Ближний Восток, Европа) характеризуется индоевропейская ойкумена, которая сейчас рассматривается как ядро евразийской культурной семьи, имеющей сходную архитектонику социальной памяти.

Одна из задач диссертационного исследования – обозначить векторы динамики традиционной культуры. В работе это делается на примере славян в индоевропейской традиционной культуре. Автор критически анализирует гипотезу происхождения ариев от славян и гипотезу славян как аутентичных наследников арийских ценностей и смыслов. Приведенные результаты сравнения традиционной культуры индоариев и славян позволяют говорить о символической общности ариев и славян. В лингвистике найдены сходные архаичные языковые структуры. Фольклористика позволила найти множество мифологических соответствий. Однако с точки зрения ценностно-смыслового ядра славяне не являются наследниками ариев. Анализ возможных славяно-арийских текстов, семиотических параллелей позволяет сделать вывод либо о заимствовании славянами некоторых второстепенных ведийских идей и мифов, либо о постепенной утрате ценностно-смыслового ядра ведийской культуры. Соответствия между двумя культурами приводят к выводу о возможном варианте культурогенеза по сценарию отпочкования одной из периферийных групп. Поиск индоарийских корней русской культуры через неоязычество, попытки реконструкции не только ее обычаев, дохристианских памятников, но даже и социальных форм (создание общин, реконструирующих языческий образ жизни) представляет разновидность исторических игр (в рыцарей, пиратов), так как ментальность таких обращений и общий фон реконструкции все равно сохраняет посттрадиционный характер (трансцендирование без трансценденции).

Таким образом, в результате анализа единства и многообразия традиционной культуры, автор приходит к выводу, что ее бытие включает в себе потенциальное ее небытие, диверсификацию и дивергенцию традиционных ценностей и смыслов. И, наоборот, небытие традиционной культуры таит в себе ее бытие. Традиционная культура тождественна вселенской возможности по реконфигурации бытия.

Шестая глава «Статус традиционной культуры в современном мире» посвящена изучению взаимодействия традиции и новации традиционной культуры, ее места и роли в настоящее время. Традиционная культура обладает запасом устойчивости, самосохранения и самоорганизации. Она есть способ ценностно-смыслового самоконституирования человека, обеспечивает его устойчивость в дискретном мире. В диссертации выявлена оптимальная модель наследования традиционной культуры, ценностно-смысловой преемственности.

Автор рассматривает гипотезу изоморфизма постмодернизма и неотрадиционных явлений. Последние образуют сложный калейдоскоп религиозных, политических, идеологических и околонаучных воззрений. К ним, в частности, можно отнести движение New Age, провозглашающее вступление в эру Водолея и начало новой традиции, неязыческие организации, альтернативные оздоровительные, психологические направления. Некоторые еще не имеют четких границ, находятся на стадии формирования. В качестве примера неотрадиционного движения рассматривается неоиндуизм, который существует уже больше двух веков.

Признается, что сам факт модернизации не является, однако, еще достаточным, чтобы называть какое-либо течение с приставкой «нео», особенно, если обновление непротиворечиво той традиции, в которой оно функционирует. Иначе учения Шанкары, Мадхавы, Рамануджи, Чайтаньи также следовало бы отнести к неоиндуизму, сославшись на их новации. Во всяком учении присутствует некоторая новизна. Диссертант полагает, что

модернизация культуры представляется регрессом, если результатом ее является формирование ценностно-смыслового ядра.

Однако открытость традиции для модернизации не всегда означает, что может быть изменено ее ценностно-смысловое ядро, в ведийской культуре таковым являются: 1) вера в закон моральной причинности (карма); 2) признание перевоплощения души, циклического космического миропорядка; 3) принятие духовных авторитетов; 4) вера в «шабда прамана» – откровение Вед как средства познания; 5) признание форм социально-духовной стратификации общества (деление на варны и ашрамы), б) спасение как цель религиозной практики. Отрицание данных положений, усиление мистицизма, посттрадиционалистские тенденции помещают новое религиозное движение в категорию неоиндуизма. С индуизмом такое течение связывает лишь происхождение основателя и обращение к элементам индийской философии.

В современном коэволюционном котле культуры «варятся» как традиционные анклавные структуры в индустриальном обществе, так и модернизированные анклавные структуры в традиционном обществе. Диссертант установил, что ситуация *пост*-культуры (по В.В. Бычкову¹) сближает пространство Востока и Запада. Постмодернизм и неотрадиционная анимация имеют ряд общих черт: смешение стилей, эклектизм; отказ от построения системы, логико-категорической организации мысли и принятие внерациональной словесной текучести; отход от дихотомии духовное–телесное, священное–мирское, этическое–аморальное, истинное–ложное; антисистематизм; адогматизм; самоутверждение личности в свободе творчества.

Распространение профанной эзотерики есть пример псевдотрадиции и квалифицируется как явление западное по сути. Имитация полноценной

¹ Термин «*пост*-культура» введен В. В. Бычковым и означает специфический переходный период к какому-то иному этапу в истории цивилизации, см.: Бычков В. В. ПОСТ- // Корневище ОБ. Книга неклассической эстетики. М., 1998. С. 214.; *Он же*. Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. № 10. 2003. С. 62.

традиции, использование ее в качестве коммерческой декорации – это то, что делает посткультурное пространство мира универсальным. Объяснение феномену унификации культурных тенденций можно найти в становлении единого информационного и смыслового поля с прозрачными границами. Образование единой семиосферы обнажило базисный утилитарный интерес к миру, что обусловило повышенный интерес к технике как к способу обретения счастья. Делается вывод, что «туристический» неотрадиционализм представляет собой трансмутацию традиционной культуры, наследование без сохранения ценностно-смыслового содержания.

Анализируя варианты наследования традиционной культуры с сохранением ценностно-смыслового содержания, автор называет следующие альтернативы: 1) традирование без реформы, 2) посттрадирование без реформы, 3) контртрадирование без реформы, 4) реформированное традирование. Диссертант рассматривает проблемы соотношения традиции, посттрадиции и контр-традиции на примере ведийской культуры. Было получено несколько возможных сценариев инновационной динамики традиционной культуры. Делается вывод, что ведийская культура подверглась трансформации, частично растворилась в аморфном неоиндуизме. При этом она сохранила свою самобытность в традиционалистских учениях, сосуществуя с формами неоиндуизма.

В диссертации определяется статус традиционной культуры как органики бытия, живого канона, позволяющего человеку удовлетворять свои антропологические и экзистенциальные потребности. Она имеет устойчивую тенденцию сохранения старого содержания в новых формах, вечного – в непостоянном, универсального – в индивидуальном, абсолютного – в относительном. Ценностно-смысловое ядро традиционной культуры можно сравнить со стволовыми клетками организма культуры, которое хранит изначальный здоровый ее генофонд, позволяет сопротивляться культурным мутациям. Традиционная культура не чужда организму культуры, на-

против, она способна усиливать его самоорганизацию, обеспечивать жизнеспособность. Возможно, наличие остатков традиционной культуры и сохраняет мир в глобальном масштабе, не позволяет ему превратиться в однообразный технопарк.

Традиционная культура гармонизирует практическую и познавательную деятельность, соотнося ее с эстетическим идеалом. Благодаря этому повседневная деятельность становится осмысленной и вдохновляющей, что имеет практическую значимость для современного мира, где очень остро стоит проблема сохранения эмоционального, чувственного сознания. Традиционная культура учит иерархии познавательной деятельности, телеологии познания, что очень актуально для ситуации современной культуры, отягощенной непрерывным увеличением массива информации и проблемой ее первичной обработки.

Автором подчеркивается уникальный вклад традиционной культуры, который заключается в развитии понимания личностной природы реальности. Культура – это всегда присутствие плюс потенциальная возможность чего-то большего; катализатор изменения, посредник, благодаря которому развивается нечто иное, не исчисляемое суммой входящих в нее элементов. На разных социально-исторических этапах традиционная культура катализирует актуальную трансценденцию, которая различается от посттрадиционной трансгрессии актуализацией ценностно-смысловой локальности.

Заключение соотносит поставленные задачи с полученными выводами. Автор идентифицировал традиционную культуру как способ рефлексивного, индивидуального традирования ценностно-смысловых параметров личности.

В диссертации исследован субстрат традиционной культуры и то, как с течением времени он дает новые формы культуры. Утвердилась точка зрения, что традиционные представления неизбежно постепенно меняют-

ся. В работе изложена модель сохранения ценностно-смыслового ядра традиционной культуры, рассматривается значение ячеек социальной памяти. Традиционная культура продолжает свое видоизмененное существование в современных формах, наследующих ее традицию. В новых условиях прежний субстрат становится строительным материалом для нового здания, а старые тексты получают новое истолкование. Ее роль заключается в устойчивом смысловом конституировании индивидуации человека, в отличие от номадической виртуальной индивидуации посттрадиционной культуры. Поэтому традиционная культура, существует всегда в динамике. В каждом темпорально-пространственном локусе она изменяется в деталях трансценденции, но сохраняет при этом свою сущность.

Анализ источников (Веды, пураны, Махабхарата) позволил проанализировать динамические процессы в традиционной культуре: дифференциацию, диффузию, взаимодействие, деградацию, застой, кризис, инклузивизм, аккультурацию. Диссертант делает вывод об особом участии эстетического в архитектонике наследования культуры, преемственности социальной памяти, наследования ценностно-смыслового ядра.

Традиционная культура предполагает существование многомерного человека, полионтичную свободу, многообразие форм познания. Анализ показал, что концепция ведийского иерархического общества допускала свободу внутреннюю, разнообразие смыслов, религиозный плюрализм, то есть множественность путей духовного развития. При этом существовала некая глубокая, превосходная идея, которая упорядочивает ведийскую модель и объясняет ее недостатки. Это идея трансценденции, выхода на вневременное пространство. Она приносит в ведийский субстрат элемент иерархии и телеологии, а затем его превосходит и восполняет.

Изучение традиционной культуры позволило автору прийти к выводу о том, что традиционность есть универсальная характеристика бытия. Бытие есть единство и борьба устойчивости (повторение, обычай) и процесса

(преемственность, эстафета, традирование, наследование). Устойчивость воспроизводит контуры бытия, а передача транслирует эти контуры во времени. Диалектический подход в решении поставленной проблемы позволил дать наиболее рельефный образ традиционной культуры, предложить ее универсальное философское определение как совокупности социальных практик по осуществлению устойчивости и преемственности.

Основное содержание и результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Тимощук, А. С. Ведийская культура: сущность и метаморфозы / А. С. Тимощук ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2002. – 8,6 п.л.
2. Тимощук, А. С. Античная философия и вайшнавская сиддханта / А. С. Тимощук, С. В. Дворянов, И. В. Шавкунов. – М., 2003. – 11/3 п.л.
3. Тимощук, А.С. Эстетика ведийской культуры / А. С. Тимощук. – Владимир, 2003. – 7 п.л.

Публикации в журналах, рекомендованных ВАК

4. Тимощук, А. С. Мировоззренческие основания традиционной культуры / А. С. Тимощук // Социально-гуманитарные знания. – № 3. – 2004. – 0,7 п.л.
5. Тимощук, А. С. Традиция и управление / А. С. Тимощук, С. В. Дворянов // Науч. вестн. МГТУ ГА. – 2005. – № 95 (13). – 0,4/0,2 п.л.
6. Тимощук, А. С. Диалектика права и закона в традиционной культуре. На примере индусского права / А. С. Тимощук // Закон и право. – 2006. – № 10. – 0,1 п.л.
7. Тимощук, А. С. Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) / А. С. Тимощук // Lex Russica : науч. тр. МГЮА. – 2006. – Т. 45, № 5. – 0,2 п.л.

8. Тимощук, А. С. Типология традиционных культур / А. С. Тимощук // Вестн. Помор. гос. ун-та. – 2006. – № 2. – 0,4 п.л.

Публикации в сборниках научных статей

Института философии РАН

9. Тимощук, А. С. Постмодернизм и неоиндуизм как единое пространство пост-культуры / А. С. Тимощук // Ориентиры... : сб. науч. ст. / Ин-т философии РАН. – М., 2000. – Вып. 1. – 0,5 п.л.

10. Тимощук, А. С. Эстетические принципы организации пуранических текстов / А. С. Тимощук // Ориентиры... : сб. науч. ст. / Ин-т философии РАН. – М., 2003. – Вып. 2. – 0,8 п.л.

11. Тимощук, А. С. Онтология и аксиология традиционной культуры / А. С. Тимощук // Ориентиры... : сб. науч. ст. / Ин-т философии РАН. – М., 2006. – Вып. 3. – 1,9 п.л.

Иные публикации

12. Тимощук, А. С. Запад и Восток: взаимодействие культур в системе эстетического воспитания Р. Штейнера / А. С. Тимощук // Россия, Восток и Запад: традиции, взаимодействие, новации : тез. докл. Междунар. конф. / Владим. гос. пед. ун-т. – Владимир, 1997. – 0,1 п.л.

13. Тимощук, А. С. Гуманистическая эволюция бхагаватизма / А. С. Тимощук // Материалы Первого рос. филос. конгресса. – СПб., 1997. – 0,1 п.л.

14. Тимощук, А. С. Семиотические модели культуры / А. С. Тимощук // Великие преобразователи естествознания : материалы XIV Междунар. чтений. – Минск, 1998. – 0,1 п.л.

15. Timoschuk, A. S. Aesthetic experience in the bhakti bhajan of West Bengal / A. S. Timoschuk // Abstracts from the XIV International Congress of Aesthetics. – Ljubljana, 1998. – 0,1 п.л.

16. Тимощук, А. С. Виртуальность со-бытия (на примере ведийских текстов) / А. С. Тимощук // Виртуальные реальности : тр. лаборатории виртуалистики. – М., 1998. – Вып. 4. – 0,2 п.л.

17. Тимощук, А. С. Древнеиндийская физика и метафизика / А. С. Тимощук // Между физикой и философией: наука и философия : тез. докл. Междунар. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1998. – 0,1 п.л.

18. Тимощук, А. С. Проблема исключительности человеческой жизни в философской школе веданта-даршаны / А. С. Тимощук // Проблема человека : материалы науч. конф. – М., 1998. – 0,3 п.л.

19. Тимощук, А. С. «Русский ТАНАТОС»: размышления о жизни, смерти и бессмертии / А. С. Тимощук // Русская мысль в поисках истории : материалы конф. / Ковров. гос. акад. – Ковров, 1998. – 0,1 п.л.

20. Тимощук, А. С. Проблема воспитания эстетической культуры молодёжи на современном этапе / А. С. Тимощук // Актуальные проблемы педагогики : сб. науч. тр. – Владимир, 1998. – Вып. 2. – 0,5 п.л.

21. Тимощук, А. С. Соединение неразделимого / А. С. Тимощук // Проблемы провинциальной художественной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курск, 1998. – 0,1 п.л.

22. Тимощук, А. С. Здравый смысл и новая государственная мифология / А. С. Тимощук, В. Н. Константинов // Здравый смысл. – 1998. – № 8. – 0,5/0,2 п.л.

23. Тимощук, А. С. Ненасильственное управление конфликтом / А. С. Тимощук // Конфликтология в трансформирующемся российском обществе: теория и практика : тез. и материалы Всерос. конф. – М., 1998. – 0,1 п.л.

24. Тимощук, А. С. Особенности понимания знания в Бхагавад-гите / А. С. Тимощук // Что значит знать : материалы науч. симпозиума. – М., 1998. – 0,2 п.л.

25. Тимощук, А. С. О состоянии теоретической разработанности проблемы «эстетическая культура» / А. С. Тимощук // Эстетический опыт XX века: горизонты и измерения : сб. науч. тр. – М., 1998. – 0,5 п.л.

26. Тимощук, А. С. Философская позиция Шри Чайтаньи / А. С. Тимощук // Второй российский философский конгресс : тез. докл. Междунар. конф. – Екатеринбург, 1999. – 0,1 п.л.

27. Тимощук, А. С. Принципы организации эстетического опыта / А. С. Тимощук // Поволж. журн. по философии и социал. наукам. – 1999. – № 8. – 0,1 п.л.

28. Тимощук, А. С. Постмодернизм и неоиндуизм как единое пространство пост-культуры / А. С. Тимощук // Молодая мысль : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – 0,1 п.л.

29. Тимощук, А. С. Мифы и реальность славяно-арийского родства / А. С. Тимощук, Е. А. Ларина, В. А. Пискарев // Духовная культура русского этноса : сб. науч. докл. / Владим. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2000. – 0,8/0,4 п.л.

30. Тимощук, А. С. Когнитивные типы культуры / А. С. Тимощук, С. А. Зубков // Материалы VII учеб.-метод. сборов профессор.-преподават. состава Владим. юрид. ин-та / Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2000. – 0,1/0,05 п.л.

31. Тимощук, А. С. Метафизика любви В. С. Соловьева и эстетическая веданта / А. С. Тимощук // Владимир Соловьев и философско-культурологическая мысль XX века : материалы междунар. науч. конф. – Иваново, 2000. – 0,2 п.л.

32. Тимощук, А. С. Ведическая культура как традиционная культура / А. С. Тимощук // Бренное и вечное: проблемы функционирования и развития культуры : тез. и докл. Всерос. науч. конф. / Новгор. гос. ун-т. – Новгород, 2000. – 0,2 п.л.

33. Тимощук, А. С. Теория мифотворчества / А. С. Тимощук, В. Н. Константинов // Наука, антинаука и паранормальные верования : тез. Междунар. симпозиума. – М., 2001. – 0,2/0,1 п.л.

34. Тимощук, А. С. Эволюция представлений о спасении души в вишнуизме / А. С. Тимощук // Бренное и вечное: экология человека в современном мире : тез. и докл. Всерос. науч. конф. / Новгор. гос. ун-т. – Новгород, 2001. – 0,1 п.л.

35. Тимощук, А. С. Идея творческого воображения в литературе преданий Индии / А. С. Тимощук // Воображение как познавательная возможность: как возможно творческое воображение? : сб. науч. тр. – М., 2001. – 0,4 п.л.

36. Тимощук, А. С. Исторические типы философствования: шесть классических систем Древней Индии / А. С. Тимощук. Владимир, 2001. – 1,2 п.л.

37. Тимощук, А. С. Умозаключение ньяя / А. С. Тимощук // Человек – Культура – Общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований : материалы Междунар. конф. / Моск. гос. ун-т. – М., 2002. – Т. 2. – 0,1 п.л.

38. Тимощук, А. С. Индоарии и мировая культура / А. С. Тимощук // Россия и проблемы глобализации : материалы III регион. конф. – Н. Новгород, 2002. – 0,2 п.л.

39. Тимощук, А. С. Введение в религиоведение / А. С. Тимощук, И. В. Шавкунов. – Владимир, 2002. – 5,23/5 п.л.

40. Тимощук, А. С. Героический эпос Махабхараты / А. С. Тимощук // Уваровские чтения : материалы межвуз. науч. конф. – Муром, 2003. – 0,1 п.л.

41. Тимощук, А. С. Пенитенциарные аналогии ведической метафизики / А. С. Тимощук // Пенитенциарная преступность: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Владимир, 2003. – 0,1 п.л.

42. *Timoschuk, A. S.* Unity and diversity principle in Orissa culture / A. S. Timoschuk // ICANAS-37 Orientalist Congress proceedings, Moscow, 18 Aug., 2004. – М., 2004. – 0,1 п.л.

43. *Тимощук, А. С.* Общество-мембрана как альтернатива «закрытому» и «открытому» обществу / А. С. Тимощук // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2006. – № 1. – 0,2 п.л.

44. *Тимощук, А. С.* Эстетическая модальность ведийских нарративов / А. С. Тимощук // Материалы Международной научно-теоретической конференции. Владимир. – 2006. – 0,2 п.л.

Общий объем опубликованных работ составляет 33 п.л.